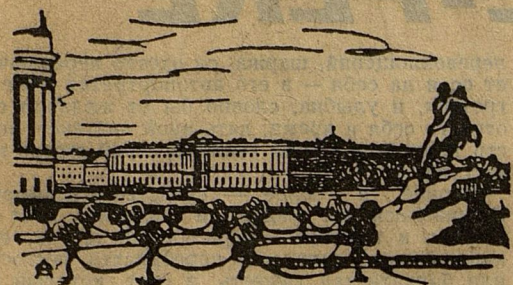

Михаил Козаков:

ПОЧЕМУ Я ВЕРНУЛСЯ

— Так что главная работа еще впереди. А сейчас давайте вернемся немного назад. В свое время вы уже собирались поставить телефильм по пушкинской повести, однако в результате появилась довольно острая статья «Почему я не рискнул снимать «Пиковую даму»?». Пушкин не просил играть «Пиковую даму», он предлагал ее читать. Читать же нужно про себя, некоторым дозволено вслух... Но читать! Кажется, к такому выводу вы пришли?

— И ему предшествовало немало мук и сомнений. Вот интересно, Пушкин предположил повести полусерьезный эпиграф: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». И об этом же очень серьезно предупреждал много лет назад Михаил Ромм, узнав, что я мечтаю экранизировать это загадочное произведение. В свое время он уже отснял небольшую часть фильма, но работу закончить не удалось. Мало того, Михаил Ильич утверждал, что с «Пиковой дамой» у него была связана цепь несчастий, и лишь после того, как он уничтожил режиссерский сценарий, они прекратились... Впрочем, отбросим суеверия, хотя и мне эта работа стоила немалой крови.

Ведь в чем проблема? Сегодня в титрах экранизации часто стоят слова «по мотивам». И это очень удобная формулировка. Она означает, что авторы отнюдь не собираются доподлинно следовать букве великого произведения. И зачем? У нас по мотивам. Концепция, трактовка — вот что важно, а вовсе не сюжет, который всем известен.

А вот как раз о сюжете я много думал. Так ли он не важен? Ведь классики его для чего-то выдумывали. Старались. Тем более Пушкин, который был непревзойденным мастером композиции. Разумеется, даже строго придерживаясь канонического текста, можно экранизировать скучно, плоско, заурядно... Но и безудержный поиск оригинальной трактовки может закинуть в иную крайность — ради собственной концепции автор может убить полифонию, глубину произведения. Живую ткань вещи, наконец.

— Эти рассуждения отнюдь не кажутся абстрактными, когда мы думаем о пушкинской прозе. Есть одно замечательное наблюдение Бориса Ивановича Бурсова. Пушкин понимает каждый, причем с первого раза, однако чем он понятнее нам, тем и загадочнее, потому что открывает путь для проникновения в глубину нас самих и всего нашего бытия, следовательно, задает нам новую и новую работу...

— Да, а вот как подняться на его уровень в понимании жизни и человека, думать его умом, чувствовать его сердцем? Одно из чудес пушкинского искусства — умение писать просто, коротко и ясно, проявившееся в «Повестях Белкина», в «Пиковой даме» достигает еще большего совершенства. Любопытно, что Лев Толстой только в зрелом возрасте по достоинству оценил прелесть ее «нагой простоты». Воплощая свой замысел, Пушкин идет прямым путем, не сбиваясь на боковые тро-

пинки под напором ассоциаций. И это простота, проникнутая тончайшей иронией. Как точно сказано выдающимся нашим поэтом и знатоком творчества Пушкина Анной Андреевной Ахматовой: «В «Пиковой даме» все ужас, рассказанный необычайно светским тоном». А главная проблема — «не убий». И так, «ужас», «светским тоном» и «не убий».

«Пиковая дама» заинтриговала меня давно: еще при поступлении в Школу-студию МХАТ готовил для чтения последнюю главку из повести. Другом моего отца был Борис Михайлович Эйхенбаум. К нему-то я и пришел. Выслушав мое чтение, ученый задумался, а потом сразу достал словарь Даля. Его внимание привлекла фраза: «Он не верил своим словам, не понимая, как мог он обдуриться». И привлекла не случайно. Согласно Далю, «обдуриться» — значит ошибиться, выдернув не ту карту. Но Борис Михайлович обратил внимание на другое значение: обдуриться шулеру, ошибиться... Ведь если Германн — игрок в том смысле, какой применим к лермонтовскому Арбенину, игрок, способный передернуть карту, то мистика повести, ее фантастичность, ее зыбкая двойственность находят отчасти реалистическую мотивацию в финале. Между тем Пушкин пишет о Германне: «Никогда не брал он карты в руки». Значит, главное, смысл возмездия не в наказании Германна за шулерство, а в гораздо более важном. Не убий! Старуху, Лизу, себя. Не исковеркай однажды данной тебе жизни. Не убей в себе личность!

В этом, мне кажется, ключ для понимания философской концепции повести. Повесть, которая не случайно привлекала к себе такое напряженное внимание Достоевского. Литературоведами уже доказано, что Германн — это отчасти и предтеча Раскольникова, преступившего черту. Германн с его «профилем Наполеона, а душой Медисефелы».

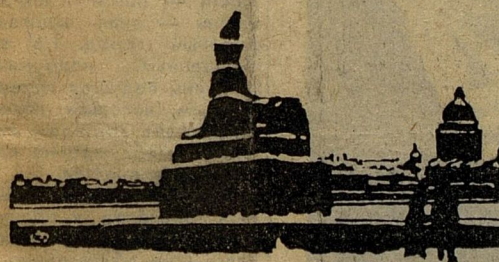
— Однако у Пушкина нет и тени морализаторства.

— Но как достичь в кино воплощения этой простоты — сложности? Я работал ежедневно, ежедневно. Много думал, к примеру, как снять подмигивание мертвой старухи из гроба так, чтобы у зрителя не возникло бурного приступа веселья. Как передать явление графини Германну, чтобы сделать для зрителей выпуклой и зримой каждую деталь. Рождались разные решения, но...

— Но потом поняли, что «не на ту карту поставили»?

— Да, ошибся с «Пиковой дамой», думая, что смогу превратить ее в телефильм. Но прошло шесть лет и оказалось, что отойти от нее невозможно. Подспудно работа шла все эти годы. Из своей неудачи я извлек урок, и это привело, как мне кажется, к единственному возможному решению. Что делает переводчик гениальной чужезычной поэмы? Как Пастернак переводил «Фауста» или Лозинский «Божественную комедию»? Они изучали архитектуру произведения, его форму, его филосо-

— Этот год — год памяти великого поэта станет для меня в полном смысле пушкинским, — рассказывает Михаил Михайлович Козаков. — В февральские дни по телевидению покажут композицию «Куда ж нам плыть!» — это философская лирика Пушкина. Уже принят сценарий фильма-спектакля «Моцарт, Моцарт», — трагедия «Моцарт и Сальери» будет разыграна вместе с Юрием Башметом и его оркестром. Ну а пока... я снова в плену у «Пиковой дамы». Снимаю кинофильм «Петербургская фантазия». Закончить съемки мы должны к 6 августа...

фию, его образную структуру, они изучали все прекрасное и гармоническое здание. А потом строили другое, абсолютно похожее на прежнее, похожее в каждой детали, но живущее в контексте иной языковой культуры. И таким образом делали Данте, Гете, Шиллера близкими русскому читателю. Нет, мне кажется, и другого пути при «переводе» с языка одного искусства на язык другого. Но не звучит ли эта мысль кощунственно? Полагаю, здесь вопрос культуры, бережного отношения к классике приобретает первостепенное значение. За «перевод» можно взяться, лишь основательно изучив оригинал.

— Но не вернулись ли вы к тому, от чего шесть лет назад отказались — от принципа «по мотивам»?

— Извините, нет. Я не мог нарушить неприкосновенность сюжета, композиции повести. А буквально следовать за Пушкиным тоже не удавалось — впадал то в наивный сюрреализм, то в бытовую заземленность. Тогда и нашел третий, единственно возможный для себя путь: а что если попытаться лирическим ключом открыть дверь к сокровищам Пушкина?

— Вы определили жанр фильма как «вариацию на тему повести «Пиковая дама» и музыки из одноименной оперы». Так будет значиться в титрах. В чем суть такого построения?

— Это музыкально-драматическая фантазия. А лирический ход? Вот и появилась у нас фигура мечтателя-фантазера, нашего современника, человека, близкого к искусству, бредящего Пушкиным. Он гуляет по современному Ленинграду, вглядываясь в его реальность, в его историю... и переносится в прошлое, и нас переносит в Петербург пушкинской поры:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,

К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

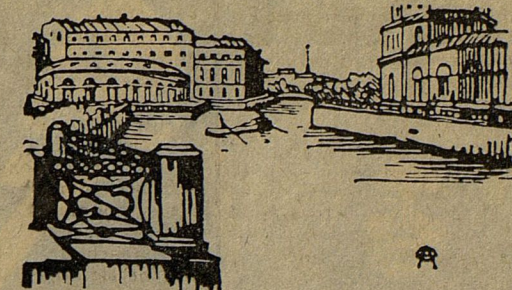
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...

Он переносится сам и нас переносит в повесть. А поскольку он человек современный, то не может не знать музыки Чайковского. Ведь с оперой мы подчас знакомимся раньше, чем с самой повестью. Наивные туристы по сей день ищут канавку, где утопилась Лиза. А утопилась она в либретто Модеста Чайковского. В повести — благополучно вышла замуж за сына управляющего графини, хотя это тоже не классически счастливый конец. Как считала Анна Ахматова, «счастливые концы вовсе не характерны для прозы Пушкина. Нет ничего более траурно-мрачного и фатально-торжественного, чем развязка «Пиковой дамы» (сумасшедший дом Германна, немилый брак Лизы и будущая мученица — девочка-воспитанница). И так, музыка Чайковского. Но поскольку мы снимаем все же не оперу, «Пиковая дама» не поется, она играет, то и музыка аранжирована. Аранжирована деликатно и бережно отличным стилистом Александром Чайковским. И никакой крамолы здесь не вижу — это опять же вопрос меры вкуса. Примеров подобной аранжировки в истории немало. Положим, Шуман — Лист. Или Бизе — Шедрин (я имею в виду «Кармен»). Кстати, мало кто знает, что романс Графини — это прямая цитата, к которой прибег Петр Ильич Чайковский, цитата из оперы французского композитора Гретри «Ричард Львиное сердце», популярной в XVIII веке. Чайковский был настолько остроумен, как мы бы сказали сегодня, что использовал ее для характеристики красавицы минувшего блистательного века. А в нашем фильме-фантазии молодая певица поет арию из оперы Гретри, а графиня слушает музыку, сидя в ложе.

Выстроить все это трудно, потому что при всем при том надо добиться пушкинской простоты и прозрачности. И юмора. Ведь в повести масса юмора. Что такое «светский тон», о котором пишет Ахматова, как не своего рода остроты, ирония... Не случайно и все эпиграфы полусерьезны.

Давайте откроем начало пятой главы, прочтем эпиграф: «В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***. Она была вся в белом и сказала мне: «Здравствуйте, господин советник!» Шведенборг». Да, явилось привидение и сказала очень простую вещь: «Здравствуйте!». Но тут двойная шутка. У шведского писателя Сведенборга ничего подобного нет. Пушкин цитату выдумал, это чистой воды мистификация, предшествующая жуткой сцене похорон и явления графини Германну. Ну, скажите, как сыграть этот эпиграф? Перевернем несколько страниц назад, туда, где Лиза читает старухе книгу. У Пушкина: «Барышня взяла книгу и прочла несколько строк». Вот пусть Лизавета Ивановна и прочтет этот эпиграф. А графиня, господи боже, терпеть не могла покойников, привидений, от нее и смерти ровесник таили... Таким образом, и эту шутку можно сохранить.

И подобные примеры можно приводить без конца... Повторюсь: задача заключается в том,

чтобы выстроить новое здание, раз уж мы взялись за «перевод» на язык кино, очень, очень похожим, стараясь сохранить при этом все нюансы, не утратить по возможности не единой мысли и фразы... И так, фильм должен быть постановочным, историческим. И места действия в фильме будут обозначены пушкинские — бал у посланника, улицы Петербурга, покой графини, отпевание ее в церкви... Лошади, кареты, реквизит, мебель — все реалии той эпохи.

— Вот тут, подозреваю, мы вынуждены перейти к «суровой прозе»?

— К сожалению. Ощущение иногда катастрофическое! Фильм исторический — значит, нужны интерьеры. А кто же пустит «киношников» в какой-нибудь недавно отреставрированный зал с дигами — аппаратурой каменного века? Никто. И будет прав. Есть вариант съемок с лампами галогенного света, но требуется «кодак». А эта пленка — дефицит. Нам говорят: стройте интерьеры сами. Увы, не можем. Не только из-за отсутствия денег смета весьма ограничена. Да хоть бы ее увеличили вдвое! Нет рабочих, нет материалов. По безналичному расчету никто не строит, а договоры заперены.

Когда я прошу мебель, мне в ответ: сидел же Ломоносов в кресле конца девятнадцатого века, и ничего. Но наша графиня, если дело пойдет так дальше, рискует оказаться в обстановке с чешским гарнитуром. Вот и приходится обивать пороги, превращаясь в индивидуального продюсера, правда, без денег. Но если, скажем, крайне занятой человек — академик Борис Борисович Пиотровский или директор Музея истории Ленинграда Людмила Николаевна Белова понимают, что такое пушкинская картина в пушкинский год, то от хранителей, несмотря на все директорские «разрешаю», я получаю неизменные отказы. Ни стула, ни столика... А зачем им действительно лишние хлопоты? Все правы. А как быть берущимся за фильм из русской истории?

И как ни парадоксально, пожаловаться не на кого. Есть даже специальное решение Ленгорисполкома о помощи нашему фильму. Все высокие инстанции «за», а механизм не срабатывает...

Сегодня мы все больше говорим о воспитании историей, об обращении к славным страницам прошлого Отечества. А уж Александру Сергеевичу все кланяться в вечной любви и верности. Так хотелось бы, чтобы помогали, чтобы не возводили ведомственных частоколов. Пушкин не по части какого-нибудь ведомства, даже и Министерства культуры, он по нашей общей истории.

Но по натуре я оптимист и надеюсь, что на сей раз «Пиковая дама» сменит тайную недоброжелательность на более благосклонное отношение.

Беседу вела
Т. МЕНЬШИКОВА.

Гравюры А. Остроумовой-Лебедевой.